

Д. Е. Куликов¹

«ВЕЛИКИЕ СТОЛИЦЫ БЕЗ ГОРОДСКИХ СТЕН»
И ПРОБЛЕМАТИКА ИСТОРИИ ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ ГОРОДОВ

На обложке китайского издания книги известного археолога Сюй Хуна 许宏^{II} «Великие столицы без городских стен: динамика развития древнекитайских столичных городов»^{III} изображен протоиероглиф и 邑 (邑), которым в древнекитайской эпиграфике обозначалось понятие поселения или города. Впервые этот знак появляется в позднешанских гадательных надписях на щитках черепах и костях животных (1250–1046 гг. до н. э.) и представляет собой сочетание двух графических элементов: вверху — квадратная рамка, внизу — фигура коленопреклоненного человека. Как полагают исследователи, символизм этого иероглифа вполне очевиден: он передает идею обособленного пространства, предназначенного для проживания, т.е. города^{IV}. Его изображение на книжной обложке можно расценивать как иллюстрацию главной идеи исследования Сюй Хуна, выраженной уже в самом названии книги — «Да ду у чэн» (大都無城, «Великие столицы без городских стен»). Другими словами, автор

^I Куликов Дмитрий Евгеньевич, к. и. н., старший научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), vostok1991@yandex.ru.

^{II} Сюй Хун (род. 1963) — научный сотрудник Института археологии Академии общественных наук КНР, профессор факультета археологии аспирантуры Академии общественных наук КНР, член правления Китайского археологического общества, ученик авторитетного китайского археолога Сюй Пинфана 徐苹芳. В 1999 г. возглавил рабочий отряд Эрлитоу. К настоящему времени Сюй Хун опубликовал несколько книг по археологии Китая и истории древнекитайской цивилизации.

^{III} См.: Сюй Хун. Великие столицы без городских стен — интерпретация динамики развития древних столиц Китая. Шанхай: Шэнхо. Душу. Синьчжи саньянь шудянь, 2016.

^{IV} См.: Цзягувэнь цзыдянь (Словарь письменных знаков на панцирях и костях) / Ред. Сюй Чжуншу. Чэнду: Сычуань цышу чубаньшэ, 2014. С. 710.

поставил своей задачей показать, что крупные города, являвшиеся столицами в определенные периоды китайской истории, не обновились крепостными стенами.

Почему вообще возник вопрос, окружались ли в древности китайские столицы стенами, или нет? Дело в том, что в традиционных китайских представлениях столица — это непременно хорошо укрепленный город с высокими стенами. В классических произведениях часто подчеркивается, что внутренние и внешние стены являлись обязательным атрибутом столичного города. Так, например, касаясь вопроса о том, что имеет катастрофические последствия для государства, философ Мэн-цзы 孟子 (372–289 гг. до н. э.), в частности, упоминает городские стены: «Поэтому сказано: беда для владения не в том, что [постройка] внутренних и внешних стен не завершена [и] не в том, что [запасы] оружия и доспехов невелики» («Ли лоу» 離婁, часть 1)^У.

Следует в первую очередь отметить не столько то, что незавершенность городских стен грозила государству бедствиями, сколько тот факт, что сама необходимость их возведения в принципе не подвергалась сомнению. Строительство крепостных стен, как и создание запасов вооружения, в Древнем Китае расценивалось как задача первостепенной важности. Более того, согласно традиционным воззрениям, стены, окружавшие столичный город, представляли собой один из главных институциональных элементов системы, которая была призвана обеспечить стабильный социальный порядок и строгую иерархию управления, воплощенную в традиционных «установлениях ритуальной благопристойности» (*ли чжи* 禮制).

Казалось бы, подтверждением этих взглядов должны служить такие известные китайские столичные города, как Пекин 北京, Нанкин 南京, Бяньлян 汴梁 (совр. Кайфэн 開封) и другие. Действительно,

^У Мэн-цзы 孟子 ([Трактат] Мэн-цзы) // Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/mengzi> (дата обращения: 01.02.2023).

в Пекине до сих пор можно увидеть остатки массивных городских стен, а также стены, окружающие отдельные внутригородские территории, например императорский дворцовый город *Цзыцзиньчэн* (紫禁城, «Пурпурный Запретный город»), где в настоящее время размещен музейный комплекс Гугун (故宫, «Старые дворцы»). Говоря об императорском Пекине, следует отметить, что он представлял собой столичную агломерацию, состоявшую из обособленных территорий, обнесенных стенами. Эти территории имели различное функциональное назначение и предназначались для проживания разных групп населения.

В течение 450 лет резиденций императоров эпох Мин 明 (1368–1644) и Цин 清 (1644–1911) служил Запретный город, вмещавший главные дворцы, павильоны и сады. Доступ в него для большинства людей был воспрещен. Запретный город окружали восьмиметровые стены багряного цвета с четырьмя воротами. Городское пространство за этими стенами также было ограждено стенами и называлось «императорским городом» (*хуан чэн*, 皇城). В цинский период здесь находились официальные палаты и резиденции маньчжурской аристократии и высшего чиновничества, места ритуальной деятельности императора (*Тай мяо*, 太廟, «Храм императорских предков»; *Шэ Цзи тань*, 社稷壇, «Алтарь божеств Земли и злаков») и парки. Обширное пространство вокруг императорского города было ограждено сероватыми стенами с девятью воротами и преимущественно предназначалось для маньчжурской восьмизнаменной гвардии. Эту часть Пекина иностранцы обычно называли «татарским городом» (Tatar City). Крепостные стены протяженностью 24 км и высотой 12–15 м служили границей так называемого внутреннего города (*нэй чэн* 内城). Таким образом столичный город (*цзин чэн* 京城), или большой город (*да чэн* 大成), как называли внешний город, состоял из трех колец крепостных стен, каждое из которых образовывало обособленное пространство, имевшее свое особое предназначение.

С юга к внутреннему городу примыкал обнесенный бесцветными стенами внешний город (*го чэн* 郭城), в котором проживали китайцы (английское название — Chinese City). Здесь же находились места императорских жертвоприношений: *Тянь тань* (天壇, «Алтарь Небу») и *Сяньнун тань* (先農壇, «Алтарь Прежнему Земледельцу»), их тоже окружали стены. Если в городской композиции Пекина внешние стены были пристроены к внутреннему городу с одной стороны, то, к примеру, в другой китайской столице — Бяньляне эпохи Северная Сун 北宋 (960–1127) (назывался также Дунцзинчэн, 東京城, «Восточный столичный город») — внешние стены окружали внутренний город со всех сторон. Иначе говоря, этот город также имел «слоистую» структуру: внешний город, внутренний город, дворцовый город (*гун чэн* 宮城).

Каждое из этих пространств было окружено крепостными стенами и представляло собой различные по назначению функциональные районы. Центром столицы являлся дворцовый город, внутри которого размещалась резиденция правителя *Данэй* (大内, «Великое внутреннее») — закрытая территория, соответствующая пекинскому Запретному городу. Аналогичная структура была свойственна другим китайским столичным городам — Лояну 洛陽 эпохи Северная Вэй 北魏 (386–581), Дасину 大興 эпохи Суй 隋 (581–618), Чанъяню 長安 эпохи Тан 唐 (618–907) и Даду 大都 эпохи Юань 元 (1271–1368) (будущий Пекин). Помимо характерной композиции городского пространства, разделенного на районы-«слои» кольцами крепостных стен, эти столицы обладали такими градостроительными особенностями, как наличие центральной композиционно-планировочной оси, проходящей через весь город с юга на север, и огражденных стенами кварталов, придающих этим городам в плане вид шахматной доски. Традиционная китайская планировка столичного города была попыткой продемонстрировать его связь с космическим порядком, по образцу которого на земле строился порядок социальный.

В то же время, как показывает в своей книге Сюй Хун, такая городская структура являлась атрибутом сравнительно поздних для китайской истории городов. Что же касается более древних столиц, включая столичные города империй Цинь 秦 (221–207 гг. до н. э.) и Хань 漢 (202–220), княжеств эпохи Восточная Чжоу 東周 (770–221 гг. до н. э.) и ранних государств эпох Ся 夏, Шан 商 и Западная Чжоу 西周, то их градостроительная композиция значительно отличалась от позднейшей и не была однородной. Изучение столь длительного этапа, начавшегося во втором тысячелетии до н. э., невозможно без археологических данных. Будучи полевым археологом и отлично владея материалами археологии древнекитайских городов, Сюй Хун в своей попытке предоставить аргументы в пользу существования в Древнем Китае моделей городского устройства, не соответствующих позднейшим моделям, опирается прежде всего на свой собственный опыт и формирует археологический взгляд на древнюю историю Китая, который далеко не во всем совпадает с общепринятой концепцией.

В археологии под поселением понимается место компактного проживания людей, некий существовавший в прошлом населенный пункт. Поселения обычно делятся на укрепленные и неукрепленные (собственно поселения и селища). Укрепленное, т.е. огражденное стеной, частоколом, валами поселение археологи называют городищем. Как правило, считается, что крупные городища являлись городами. Многие из древних городов существуют и поныне. В русском языке термин «город» восходит к понятию оборонительной ограды — вала или стены. Так, в Древней Руси городом называлось всякое крупное жилое место, окруженное такой оградой. Аналогичная ситуация наблюдается в китайском языке: иероглиф *чэн* 城 имеет два основных значения: «город» и «крепостная (городская) стена» (в глагольном значении — «обнести стенами, укрепить [город] крепостными стенами; построить город»).

Обычно город противопоставляют деревне — и дело здесь не только в размерах и фортификационных сооружениях. Для города характерно иное социальное содержание. Город возникает на определенном этапе развития человеческого общества как форма поселения более высокого уровня, чем сельская. Исходя из интерпретации конкретных археологических явлений, принято считать, что если в поселении функционировали дворцовые и храмовые постройки, места ритуальной деятельности, ремесленные мастерские, хранилища, то, вероятнее всего, данное поселение уже выполняло функции политического, религиозного, экономического и культурного центра. По характеру остатков тех или иных производств, типологии жилищ и погребений можно прийти к выводам о степени разделения труда и социальной дифференциации в поселении и определить его властную иерархию. Город, в котором наиболее отчетливо проявляется его значение как центра власти, называется столицей. Применительно к древней истории Китая под столицами понимаются места пребывания правителей как всего государства, так и владений.

В чем же, собственно говоря, заключается тезис «великие столицы без городских стен»? На первый взгляд, ответ напрашивается сам собой: в древних столицах Среднего государства и удельных княжеств крепостные стены не возводились. Однако это не совсем так. Прежде всего под словосочетанием *у чэн* (無城, «не иметь городских стен») в выражении *да ду у чэн* подразумевается отсутствие внешних городских стен, или внешнего города, в китайской специальной литературе называемого по-разному: *да чэн* (大城, «большой город»), *го чэн* (郭城, «форштадт»^{VI}), *вай чэн* (外城, «внешний город»). Исходя из семантики иероглифа *чэн* 城 («городская стена»,

^{VI} Форштадт (нем. Vorstadt «пригород») — поселение, находящееся вне города или крепости, предместье, посад, подградье. Подробнее см.: Китайско-русский словарь / Сост. Бывшим начальником пекинской духовной миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом императорской дипломатической миссии в Пекине П. С. Поповым. В 2 т. Т. 1. Пекин: Типография Тун-вэнь-гуань, 1888. С. 96.

«город»), в том или ином контексте словосочетания *го чэн* или *вай чэн* могут означать как городские стены, окружающие всю территорию города или территорию предместья, так и собственно обнесенное стенами городское пространство.

Город-*чэн* — это всегда город, огражденный стенами (т.е. *вай чэн*), или то или иное укрепленное городское пространство. Определения к *чэн* часто указывают на функциональную принадлежность этой территории. Например, *хуан чэн* — это императорский город, т.е. окруженная стеной внутригородская территория, на которой находились объекты императорской инфраструктуры. Дворцовый город *гун чэн* — это огражденный стенами район дворцов и храмов правителя. Эти термины выражают понятие центральной части города, обнесенной крепостной стеной и вмещающей сооружения, символизирующие политическую власть. В русской истории сходную роль играли детинец и кремль. Такие внутригородские пространства в китайском языке называются «городами» только потому, что они являются обнесенными стенами обособленными территориями. Если стены охватывают в кольцо весь город, то, независимо от расположения внутренних и внешних стен, такой город также именуется *чэн*. Вот почему старый Пекин как единство внутреннего города (вместе с императорским и запретным городами) и внешнего города (огражденного предместья) носит название *чэн* — *Бэйцзин чэн* (北京城, «огражденный стенами город Пекин», «город-крепость Пекин»).

В то же время, если существуют внешние стены (внешний город), которые окружают внутренний город, то последний часто называется *сяо чэн* (小城, «малый город») или *нэй чэн*, «внутренний город». Как правило, в древности стены внутреннего города ограждали территорию, внутри которой были расположены важные дворцово-храмовые комплексы, представляющие собой центр города (или скорее всего — городской центр тяготения) и обладающие градообразующим статусом. Обычно внутренний город был окружен территорией

предместий, поэтому он назывался *нэй чэн*. Площадь предместий обычно превосходила внутренний город, поэтому последний и получил название «малого города». Если помимо дворцов и храмов на центральной территории, огражденной стенами, располагались жилые кварталы, то такой дворцовый город имел характер внутреннего города. По сути, внутренний город либо вмещал в себя дворцовый, либо соответствовал ему.

Понятие «предместье» обозначается термином *го* 郭. Если предместье ограждено стенами или другими укреплениями, то в этом случае по смыслу *го* соответствует понятию *вайго чэн* (外郭城, «стены форштадта», «внешний город»). Собственно говоря, термин *го* появился лишь потому, что требовалось отличить все городское пространство, окруженное внешними стенами (и другими укреплениями), от внутренней территории, обнесенной стенами. Если в композиции города выделяются районы предместий, но при этом внешние стены не обнаружены, то для обозначения этой территории применяется термин *го цюй* (郭區, «район предместья»). Часто предместья были сосредоточены вокруг главного городского пространства, огражденного стенами, т.е. дворцового или внутреннего города.

Более того, города ограждались не только стенами, но и другими фортификационными сооружениями — валами, рвами, а также естественными преградами — реками, горами и т. п. Как правило, эти укрепления очерчивали внешние границы города, поэтому значение понятия *го* охватывает не только крепостные внешние стены, но и различные оборонительные сооружения. *Чэн* и *го* образуют устойчивое сочетание *чэнго* 城郭, часто упоминаемое в классической литературе. В зависимости от контекста его можно интерпретировать как «город и предместья», «внутренние и внешние стены и укрепления», «внутренний и внешний города». В любом случае это выражение применяется в отношении городов, в которых возводились оба вида стен (фортификационных сооружений). Если бы, к примеру, следовало сказать, что в некоей столице вовсе отсутствовали

какие-либо стены, то это звучало бы как *да ду у чэнго* 大都無城郭. Однако по смыслу это выражение абсурдно, ибо если нет стен-чэн, то нет и стен-го. Аналогичным образом лишено смысла выражение *да ду у го* 大都無郭, так как стены-го могут существовать только при условии возведения стен-чэн. В этой связи важно подчеркнуть, что в книге Сюй Хуна под стенами-чэн в выражении *да ду у чэн* понимаются внешние городские стены (т.е. *вайго чэн*), т.е. в великих столицах имелись городские стены-чэн, но отсутствовали стены-го.

Исходя из данных археологических исследований древнекитайских столиц, Сюй Хун приходит к заключению о применении в исторический период от Ся до Восточной Хань разных морфологических моделей города, представленных двумя городскими пространствами — *чэн* и *го*, т.е. обнесенного стенами города и его предместий. По сути, моделей две: 1) модель дворцового города и обширного района неукрепленных предместий, окружающих дворцовый город; 2) модель дворцового (внутреннего) и внешнего городов. Первая модель полностью соответствует тезису Сюй Хуна об отсутствии в столицах городских стен. Что касается второй, то эта модель предполагает наличие как внутренних, так и внешних стен или других фортификационных сооружений. При этом она имеет две разновидности: 1) модель города, состоящего из двух частей — внутреннего города и находящейся за его пределами (обычно окружающей его со всех сторон) укрепленной (обнесенной стенами) территории; 2) трансформации этой модели в проект парного возведения внутренних и внешних стен (в зависимости от расположения этих стен дворцовый город либо размещался за городской стеной, либо под него выделялась часть территории внешнего города).

Следует отдавать себе отчет в том, что, говоря о древнекитайской городской морфологии, исследователь имеет дело с археологическими остатками стен, зданий, могил, жилищ, мастерских и т.д. Предложенная Сюй Хуном классификация преимущественно основана на установлении принадлежности обнаруженных остатков городских

стен к тому или иному внутригородскому пространству — «городу». Для этого существует ряд критериев. Так, если удалось определить, что обнаруженные стены окружают сравнительно небольшую по площади территорию, на которой выявлены крупные фундаменты зданий, по своим признакам соответствующие дворцам и храмам, то данную территорию можно расценивать как дворцовый город. Как правило, за пределами такого района находят могильники, жилища и мастерские. Если такое пространство окружено стенами, за которыми отсутствуют относящиеся к городу находки, то оно является городом-*чэн*, под которым следует понимать весь город как таковой. В том случае, если за стенами этого города находится территория с археологическими следами городской жизнедеятельности и прослеживаются границы этой территории, которыми могут служить как рукотворные оборонительные сооружения (стены, рвы, валы), так и природные объекты (горы, реки, овраги), то данное пространство является внешним городом (большим городом), а находящийся внутри него город-*чэн* — внутренним городом (малым городом).

В соответствии с предложенной классификацией морфологических моделей древнекитайских городов Сюй Хун делает несколько важных выводов. По его замечанию, на протяжении двух тысяч лет начиная с поселения Эрлитоу 二里头, гипотетически идентифицируемого как столица первого крупного территориального династического государства бронзового века на Среднекитайской равнине, и до конца эпохи Хань, превалировала городская модель «дворцовый город и район предместий». Это означает, что в городах крепостные стены окружали только территорию, предназначенную для правителя, его семьи и высшей аристократии, остальная же часть города представляла собой окружающую дворцовый город территорию, на которой располагались жилища горожан, кладбища, мастерские и прочие инфраструктурные объекты. Другими словами, в «великих столицах» Древнего Китая полностью городская территория стенами не ограждалась.

Доминирование этой модели в течение указанного периода оказалось поколеблено лишь дважды: в период Эрлиган 二里崗 (1600–1300 гг. до н. э.) на раннем этапе эпохи Шан и в эпоху Восточная Чжоу, при этом для периода Чуньцю 春秋 (770–403 гг. до н. э.) была характерна модель города, окруженного внутренними стенами и внешними укреплениями, а для периода Чжаньго 戰國 (403–221 гг. до н. э.) — модель парного возведения внутренних и внешних стен. Обязательное возведение крепостных стен — внутренних и внешних — в столичных городах княжеств в период Чжаньго Сюй Хун объясняет ростом междоусобных конфликтов и сильным обострением социальных противоречий. Внутренние смуты и войны княжеств между собой неизбежно вызывали необходимость повышенной обороноспособности, что заставляло правителей перестраивать свои столичные города по образцу укрепленных цитаделей. Кроме того, особенности этой модели демонстрируют крайнюю обособленность внутригородских территорий, что следует расценивать как следствие напряженности в обществе, включая его верхушку. Как отмечает Сюй Хун, феномен, характерный для времен Чжаньго, не имел аналогов ни до, ни после этого периода, поэтому его нельзя считать связующим звеном между двумя этапами непрерывного исторического развития древнекитайского столичного градостроения.

Что касается модели периода Чуньцю — города, окруженного внутренними стенами и внешними укреплениями, — то ее расцвет приходится на более позднее время. Если в период Чуньцю эта модель проявлялась в своем достаточно неразвитом виде: внешний город чаще всего окружался искусственными и естественными преградами, то в гораздо более позднее время (начиная с эпохи Северная Вэй и до конца эпохи Цин) она безраздельно доминировала в планировке китайских столиц. На протяжении порядка 1700 лет, от Ечэна (столицы царства Цао-Вэй и Северной Ци) и до минско-цинского Пекина, данная модель столичного города являлась репрезентацией древнекитайских установлений ритуала и этикета. Несколько колец

городских стен в совокупности с планировочной центральной осью и квартальной структурой долгое время служили «визитной карточкой» традиционного китайского столичного города.

Согласно классификации Сюй Хуна, поздняя модель столицы как агломерации, состоящей из обособленных районов — внутреннего и внешнего городов, прежде всего демонстрирует церемониальный характер городских стен. Действительно, с точки зрения обороноспособности острой необходимости в «многослойном» ограждении городских пространств крепостными стенами не было, поэтому стены играли скорее символическую роль, чем практическую. Их возведение было тесно связано с принципами «ритуальной благопристойности»-*ли* 禮, на основе которых строилась китайская система иерархии власти и социальных отношений.

В отличие от церемониального значения поздней композиции внутренних и внешних городских стен, на раннем этапе аналогичная модель имела сугубо практическое назначение: повышение обороноспособности города. Самые ранние примеры применения данной модели — это раннешанские городища Чжэнчжоу 鄭州 и Яньши 偃師 культуры Эрлиган. На раннем этапе их существования сначала возводились стены малого города, а затем — большого, на основании чего можно сделать вывод, что на заре своего становления модель внутренних и внешних стен связана с расширением столичных городов. Важен также тот факт, что после увеличения городской площади новые районы не представляли собой незащищенные предместья, а огораживались стенами из утрамбованной земли и естественными укреплениями. Другими словами, возникновение модели города, окруженного внутренними стенами и внешними укреплениями, было обусловлено задачами обороны столицы.

Дальнейшее развитие эта модель получила в период Чуньцю в столицах княжеств: Линьцзы 臨淄 (княжество Ци 齊), Цюйфу 曲阜 (княжество Лу 魯) и Синьчжэн 新鄭 (княжество Чжэн 鄭). Точнее говоря, в это время произошел возврат к практике строительства внутренних

и внешних стен, так как после Яньши и Чжэнчжоу, начиная со среднешанского периода, на Среднекитайской равнине превалировала градостроительная композиция, основанная на первичном строительстве дворцового комплекса и крепостных стен (иногда — иных укреплений) вокруг него. Предместья при этом стенами не обносились. Как предполагает Сюй Хун, наличие или отсутствие городских стен зависело от множества текущих политических, военных и географических факторов, поэтому модель поселения без внешних стен, названная им «великие столицы без городских стен», является порождением конкретного исторического периода. Что же касается периода с начала бронзового века и до конца Хань, независимо от того, возводились ли в столицах внешние городские стены или нет, то она называется китайским исследователем эпохой «внутренних и внешних стен практического назначения».

Строительство стен внутреннего и внешнего городов вполне удачно объясняется с практической точки зрения — они, бесспорно повышали обороноспособность столиц (при этом не следует забывать, что исторический фон, на котором разворачивалось это строительство, был крайне неблагоприятен: город выступал в роли бастиона, защищавшего от постоянных нападений). Отсутствие же городских стен Сюй Хун объясняет с помощью гипотезы, затрагивающей вопросы возникновения государства и города в Древнем Китае и определения природы древнекитайской государственной власти.

Свой ретроспективный обзор градостроительных моделей древнекитайских столиц Сюй Хун заканчивает на археологическом комплексе Эрлитоу — крупном энеолитическом поселении, с которого, собственно говоря, начинается история столичных городов Китая. Дело в том, что, по его мнению, а также по мнению большей части китайских археологов и историков, отличительные признаки культуры Эрлитоу и ареал распространения ее памятников не только свидетельствуют о возникновении первого раннего государства в Китае, но и позволяют отождествить его с известным по традиционной

историографии династическим государством Ся^{VII}. Следовательно, наиболее крупный археологический комплекс — поселение Эрли-тоу — расценивается как руины столичного города этого государства.

Поскольку подтверждающие аутентичные письменные источники этого периода отсутствуют, то Сюй Хун справедливо отказывается от строгого отождествления Эрлитоу с Ся, но принимает версию о том, что поселение Эрлитоу было столичным городом первого собственно китайского (хуасяского) государства, которое исследователь называет «крупным территориальным монархическим государством» (*гуаньъю ванцюань гоцзя*, 廣域王權國家) и самым ранним Китаем^{VIII}. В идеологическом плане в это время, вероятно, начинают складываться представления о монархе как властителе цивилизованного мира — Тянься 天下, т.е. «всего, что находится под небом». Этим термином в период распространения конфуцианства стали обозначать земное пространство, владеть и управлять которым китайскому Сыну Неба было предопределено божественным провидением на основе четко обозначенных принципов.

Другими словами, в отличие от предшествующего неолитического этапа, представлявшего собой пеструю картину небольших госу-

^{VII} Под «культурой Ся» подразумеваются культурные памятники, созданные этнической группой Ся или сообществом во главе с группой Ся на территории, находившейся под управлением ранней династической монархии — царства (*ван чао*, 王朝, «правлящая династия», «двор») (См.: Археология Китая. Т.: Ся и Шан / Ред. Ян Си-чжан, Гао Вэй. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2010. С. 8). При этом признается, что проблема атрибуции культуры Ся еще ожидает своего решения в виду отсутствия подтверждающих письменных сведений (См.: Сюй Хун. Самый ранний Китай. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 65). Наряду с этим некоторые исследователи полагают, что сведения о правителях Ся являются позднейшей выдумкой чжоусцев или компиляцией историзованных мифов (См., например: Allan S. The Shape of the Turtle: Myth, Art, and Cosmos in Early China. N. Y.: State University of New York Press, 1991. Pp. 15, 23; Кучера С. Р. Поиски Ся: возможный ключ к решению проблемы // XXII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М.: Восточная литература: Наука, 1991).

^{VIII} См.: Сюй Хун. Самый ранний Китай. М.; СПб.: Нестор-История, 2021.

дарственных образований, с началом эпохи Эрлитоу возникает самое раннее на Среднекитайской равнине крупное территориальное династическое государство во главе с монархом — царем-ваном. Как отмечает Сюй Хун, в этом поселении была реализована городская композиция без внешних стен, что, по его мнению, могло произойти лишь при условии вступления государственного образования, центром которого являлся Эрлитоу, в новый исторический этап развития — эпоху династического государства, охватывающего довольно обширную территорию.

По меньшей мере во втором периоде культуры Эрлитоу площадь города Эрлитоу достигла 3 млн м². В городе были четко разграничены функциональные районы. Центральная часть постепенно превратилась в дворцовый город площадью более 100 тыс. м², большей частью обнесенный крепостной стеной. Однако за более чем полвека полевых работ археологи так и не обнаружили стен или каких-либо оборонительных сооружений, окружающих все поселение, за исключением остатков не связанных друг с другом рвов. По всей видимости, для разграничения внутригородских функциональных районов и защиты города эрлитоусцы использовали рвы, а не стены. По мнению Сюй Хуна, такого рода поселенческая структура была характерна для центрального города, привлекавшего мигрантов из близлежащих областей, при этом, вероятно, это были группы людей, не связанных друг с другом узами кровного родства. Они заселяли земли вокруг дворцового города, которые, простираясь от центра на довольно значительное расстояние, образовывали «внешний город без крепостных стен».

Сюй Хун связывает создание городской планировки с характером политической власти: чем сильнее и авторитетнее была царская власть, тем меньше этой власти требовалось ограждаться как от соседей, так и от своих подданных. В свою очередь подданные в лице вассальных князей владений, окружающих центральный город, обеспечивали надежную защиту царской столице. Лучшим

подтверждением своей версии Сюй Хун считает пассаж из хроники *Цзо-чжуань* (左传, «Комментарий Цзо», 23-й год правления Чжаогуна 昭公), в котором вельможа царства Чу 楚 Шэнь Исюй 沈尹戌 рассказывает о традиционном подходе Сына Неба к защите своего государства: его «стражи» всегда находились на внешних рубежах, при этом безопасность государства в значительной степени была гарантирована сильной армией, социальным порядком, лояльностью подданных правителю и мирными отношениями с соседями. Задача вана состояла в том, чтобы народ мог спокойно заниматься своими делами, не беспокоясь о том, что страну может охватить внутренняя смута или она подвергнется внешней агрессии. В этом случае, как заключает чуский сановник, необходимость в возведении городских стен отсутствовала.

Однако не следует полагать, что фортификационные сооружения в городах вовсе не возводились. Города укреплялись оборонительными валами, рвами, изгородями из деревьев и кустарников, а также в качестве преград применялся рельеф местности. Город прежде всего был местом, где оглашались волеизъявления правителя. Как предполагает Сюй Хун, отсутствие крепостных стен способствовало беспрепятственному распространению монарших указов по стране. По его мнению, в древности бытовало представление о том, что слова Сына Неба, не встречая преград в виде прочных стен из утрамбованной земли, могли достичь самых отдаленных окраин государства. Это отнюдь не теоретическое измышление исследователя: существование такого представления косвенно подтверждается сведениями из классических произведений.

Разумеется, здесь следует оговориться, что древние китайцы хорошо знали о фактическом расстоянии, на котором были слышны крики царских глашатаев, и цель последних вовсе не состояла в том, чтобы кричать как можно громче. В действительности речь идет лишь о символическом значении открытого пространства, не имеющего препятствий в виде нескольких колец высоких и мощных

городских стен, как способа манифестации верховной власти и авторитета Сына Неба. Версия Сюй Хуна представляется весьма оригинальной, но вполне возможно, что причина отсутствия стен лежит в сугубо практической плоскости: если для защиты государства привлекались многочисленные войска вана и верных ему удельных князей, то этого было вполне достаточно, чтобы остановить неприятеля на подступах к столице.

В целом предложенная Сюй Хуном концепция возникновения и развития древнекитайского столичного города и государства выглядит достаточно аргументированной. Тем не менее некоторые важные положения вызывают вопросы, в особенности это касается тезиса об Эрлитоу как самой ранней столице и возникновении в эпоху Эрлитоу крупного территориального государства. Используя ретроспективный анализ истории древнекитайского столичного урбанизма, Сюй Хун завершает свое исследование на Эрлитоу как точке отсчета этой истории. Предшествующие неолитические города и государственные образования, существовавшие на территории Китая, им не рассматриваются. Однако следует заметить, что поселение Эрлитоу частично также принадлежит неолиту: ранние бронзовые предметы датируются его второй фазой, а высокохудожественные изделия из бронзы, сосуды и оружие появляются лишь в четвертой фазе, когда в 85 км от Эрлитоу появляется городище Чжэнчжоу культуры Эрлиган.

По своим масштабам Эрлитоу нельзя назвать самым ранним крупным городом Китая. К примеру, на юго-востоке Китая, в районе нижнего течения Янцзы близ Ханчжоу 杭州, еще в IV тыс. до н. э. существовал впечатляющий по своим масштабам город — Лянчжу 良渚 (3000–2300 гг. до н. э.) площадью 3 млн м² (с городским центром — местом проживания знати в районе горы Моцзяошань 莫角山 площадью 300 тыс. м²) и территорией за внутренней земляной стеной со следами внешних валов площадью 8 млн м². Позднее в районе Цзяньхань 江漢 в среднем течении Янцзы функционировал крупнейший

на территории Китая неолитический город — Шицзяхэ 石家河 (2900–1800 гг. до н. э.) близ г. Тяньмэнь 天门 (пров. Хубэй 湖北). Общая площадь поселения составляла 8 млн м², площадь городища — 1,2 млн м². Поселение, состоящее из внутреннего и внешнего городов, было окружено земляными валами и оборонительными рвами.

В предшествующий Эрлитоу период и в непосредственной близости от его местонахождения (в среднем течении Хуанхэ) наиболее крупными были такие поселения, как городище Таосы 陶寺 (2300–1800 гг. до н. э.) в уезде Сяньфэнь 襄汾 (в южной части пров. Шаньси 山西) площадью 2,8 млн м² и грандиозный городской комплекс Шимао 石峁 (около 2300–1600 гг. до н. э.) в волости Гаоцзябао 高家堡 близ г. Шэньму 神木 (пров. Шэньси 陝西) площадью 4,25 млн м² (с внутренним и внешним городом). Примечательно, что все эти древние города были окружены крепостными стенами и другими укреплениями. По своей градостроительной композиции луншаньское городище Таосы состояло из дворцового города, огражденного стенами из утрамбованной земли, и внешнего города, защищенного стенами и рвами. Этот археологический комплекс получил широкую известность после обнаружения в нем каменных остатков одной из древнейших в мире обсерваторий.

Что касается археологического комплекса Шимао, то он расположен на Лёссовом плато в излучине Хуанхэ на расстоянии 20 км от этой реки. Городской комплекс Шимао состоит из трех частей — дворцового города на платформе (археологи называют его *хуанчэнтай*, 皇城台, «терраса императорского города»), внутреннего (2,35 млн м²) и внешнего (2,84 млн м²) городов. Хуанчэнтай с фундаментами дворцовых и других зданий, а также парком и прудом расположен в центре города; в плане он имеет подквадратную форму и возвышается на платформе пирамидального типа. Его окружали внутренние и внешние стены из камня с деревянными креплениями. Общая площадь дворцового города составляет 80 тыс. м²: здесь

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru